

Кекелидзе К. С., прот. Несколько замечаний по поводу рец. С. Авалиани на нашу книгу: Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение. Тифлис, 1908 // Богословский вестник 1910. Т. 3. № 10. С. 353–364 (3-я пагин.).

Нѣсколько замѣчаній по поводу рецензій г. С. Аваліани на нашу книгу: „Литургическіе грузинскіе памятники въ отечественныхъ книгохранилищахъ и ихъ научное значеніе“.

Въ концѣ 1908 года вышла въ свѣтъ наша магистерская диссертация—„Литургическіе грузинскіе памятники въ отечественныхъ книгохранилищахъ и ихъ научное значеніе“. Судьба почти всѣхъ диссертаций на ученія степени такова, что ихъ рѣдко кто беретъ въ руки, за исключеніемъ ограниченаго числа непосредственно заинтересованныхъ специалистовъ; въ особенности это нужно сказать относительно работъ на темы литургико-археологическаго характера, да еще такого, какъ наше сочиненіе. Такое положеніе вещей, намъ думается, должно побуждать лицъ, берущихся за рецензированіе подобныхъ сочиненій, въ высшей степени осторожно и добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ, зная, что, по крайней мѣрѣ, 99% читающей публики въ своихъ сужденіяхъ о рецензируемой ими книгѣ будутъ руководиться ихъ мнѣніями и заключеніями; грѣшно вводить въ заблужденіе человѣка, не имѣющаго возможности лично ознакомиться съ той или иной книгой.

На такое размышленіе наводитъ насъ помѣщенная въ февральскомъ номерѣ „Богословскаго Вѣстника“ за текущій 1910 годъ рецензія С. Аваліани на нашу вышеназванную диссертацию.

Г. Аваліани грузинъ по происхожденію и приватъ-доцентъ университета по званію; но всего этого еще недостаточно, чтобы безошибочно судить по вопросамъ церковнаго грузиновѣдѣнія, этой новой отрасли научной византологіи, разрабатываемой по сырымъ архивнымъ матеріаламъ.

Что же изъ себя представляетъ рецензія г. Аваліани?

Чтобы судить о достоинствахъ и недостаткахъ нашей работы по существу, чтобы указать то мѣсто, какое она можетъ занимать въ литургической наукѣ, для этого нужно имѣть хоть поверхностную освѣдомленность съ современнымъ состояніемъ этой науки, нужно знать ея запросы и интересы, ея стремленія и чаянія,—г-нъ же Аваліани, прошедшій свѣтскую школу, не имѣющій соприкосновенія съ литургической специальностью, не знакомый даже, какъ видно изъ его рецензій, съ литургической терминологіей, къ тому же не заявившій пока себя ни одной работой по грузиновѣдѣнію,—не могъ, разумѣется, судить *по существу* о нашей диссертациі; поэтому ему пришлось обратить все свое вниманіе на внѣшнюю только или, какъ онъ самъ выражается, методологическую ея сторону.

Выписавъ подробно, но не точно ¹⁾, изъ Предисловія нашей работы (стр. V и VI) основныя методологическія положенія, ея рецензентъ замѣчаетъ, что „положенія эти вызываютъ сильныя недоразумѣнія и въ корнѣ подрываютъ научную цѣнность работы. Правильная постановка вопроса, правильная методологія въ научныхъ изысканіяхъ,—это все“ (стр. 335—336). Такимъ образомъ общей и основной причиной негодности нашей методологіи является, какъ будто, неумѣніе наше „правильно ставить вопросы“. Но, коснувшись частнѣе поставленныхъ нами вопросовъ, рецензентъ говоритъ: „авторъ весьма правильно поставилъ вопросъ“ (стр. 337), „хотя вопросъ поставленъ вполнѣ правильно, хотя путь изслѣдованія, избранный авторомъ, единственно правильный“... (стр. 338). Что сіе значитъ, какъ понять такое противорѣчіе въ устахъ рецензента, трактующаго о правильныхъ методологическихъ принципахъ?!

Основнымъ промахомъ методологическаго свойства, по словамъ рецензента, въ нашей работѣ является сознательное исключеніе авторомъ ея изъ поля своего изслѣдованія древнѣйшихъ переводовъ, хранящихся въ бібліотекахъ Аэона, Синая и Іерусалима (стр. 344). Тѣ многочисленныя варианты, которые отмѣчаетъ авторъ, могутъ имѣть мѣсто въ древнѣйшихъ оригиналахъ или въ тѣхъ первоначальныхъ перево-

¹⁾ На стр. 335 рецензій, строка 8 сверху, читаемъ—„лютеранскихъ“, тогда какъ у насъ стоитъ—„монофизитскихъ“ (стр. V)

дахъ, которые появлялись въ грузинскихъ обителяхъ внѣ Грузіи. Поэтому изученіе рукописей, найденныхъ въ отечественныхъ только библіотекахъ и притомъ поздняго времени, безъ изученія прототиповъ, не можетъ дать представленія о рукописи; устраненіе прототиповъ изъ сферы изслѣдованія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть призвано научнымъ (стр. 336).

Намъ думается, что каждая работа должна ставить себѣ извѣстную цѣль и стремиться къ разрѣшенію извѣстной задачи. Что въ восточныхъ книгохранилищахъ есть грузинскія литургическія рукописи, изученіе которыхъ очень и очень важно, даже необходимо, объ этомъ не разъ говорится и въ нашей работѣ ¹⁾ (см. напр. стр. V и 515), и если тѣмъ не менѣе рукописи эти не нашли мѣста въ нашей работѣ, то не „сознательно“, не потому, что мы считали излишнимъ изученіе ихъ, а потому, что онѣ въ данномъ случаѣ оказались для насъ недоступными (стр. V). Если бы мы брались писать исторію богослуженія грузинской церкви съ самаго ея начала, если бы мы обѣщались изучить *все вообще* грузинскія литургическія рукописи, гдѣ бы онѣ ни находились, — тогда, разумѣется, мы не въ правѣ были бы „исключить изъ сферы изслѣдованія“ рукописи восточныхъ книгохранилищъ, не смотря на всю ихъ недоступность для насъ. Но задача нашей работы, какъ видно даже изъ заглавія ея, состоитъ въ изученіи тѣхъ литургическихъ рукописей, которыя хранятся въ *отечественныхъ* книгохранилищахъ. Слѣдовательно, на какомъ же „методологическомъ“ основаніи винять насъ въ неисполненіи того, за что мы и не брались? Мы изучили то, что было намъ доступно, пусть недоступныя намъ рукописи изучаютъ тѣ, которые находятся въ лучшихъ, сравнительно съ нами, условіяхъ. Или, быть можетъ, разъ не изучены рукописи восточныхъ книгохранилищъ, не слѣдовало изучать и тѣ рукописи, которыя у насъ гніютъ на глазахъ въ нашихъ, доступныхъ намъ, библіотекахъ?

¹⁾ Нужно было только нѣсколько внимательнѣе просмотрѣть ее, тогда, пожалуй, рецензентъ не сказалъ бы и того, что мы изучаемъ рукописи только „поздняго времени“ (послѣ X вѣка), ибо стоитъ посмотрѣть только оглавленіе нашей работы, дабы убѣдиться, что нами изучено нѣсколько очень важныхъ рукописей, относящихся ко времени до X вѣка (смотри, напр. стр. 1, 350, 372 и 381).

Другимъ главнымъ промахомъ методологическаго свойства нашей работы, по словамъ г. Авалиани, является то, что мы не дали отвѣта на правильно поставленный нами вопросъ: откуда появились въ грузинскихъ памятникахъ отмѣченные нами особенности и варианты? Мы, будто бы, не сумѣли доказать происхожденія этихъ особенностей, а произошло это оттого, что мы сознательно вычеркнули изъ сферы изслѣдованія хранящіяся на Востокѣ древнѣйшія рукописи, не привлекли списковъ синайскихъ, аѳонскихъ, іерусалимскихъ, какъ прототиповъ обращавшихся въ обиходѣ грузинской церкви книгъ, а съ другой стороны—отказались, правда отъ очень тяжелой, но единственно научной работы, аналогическаго изученія грузинскихъ литургическихъ памятниковъ, хотя бы съ тѣми, которыя имѣются у Гоара, Красносельцева и Дмитріевскаго (стр. 336—337).

Утвержденіе рецензента, что вопросъ о происхожденіи отмѣченныхъ у насъ вариантовъ можетъ быть разрѣшенъ при помощи хранящихся на Востокѣ грузин. рукописей, мы считаемъ произвольнымъ и ни на чемъ ни основаннымъ, ибо содержаніе этихъ рукописей ему не извѣстно. Мы ничуть не склонны возлагать на эти рукописи въ данномъ случаѣ такія надежды, ибо въ нихъ содержатся чины и послѣдованія, по преимуществу, іерусалимской редакціи, отмѣченные же у насъ варианты заключаются въ переводахъ позднѣйшей, константинопольской, редакціи. Допустимъ, что эти варианты имѣются и въ первоначальныхъ переводахъ, находящихся нынѣ на Востокѣ,—все таки это не есть объясненіе ихъ происхожденія: откуда же они появились въ этихъ первоначальныхъ переводахъ или „прототипахъ?“ Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать ихъ „результатомъ творчества книжника переводчика“ (стр. 336), они, очевидно, имѣлись въ тѣхъ греческихъ рукописяхъ, съ которыхъ дѣлались переводы, слѣдовательно, для объясненія ихъ происхожденія нужно обратиться къ греческимъ же подлинникамъ, какъ дѣйствительно, мы и поступаемъ. Правда, рецензентъ настойчиво утверждаетъ, что мы отказались отъ сличенія нашихъ памятниковъ хотя бы съ тѣми, которыя имѣются у Гоара, Красносельцева и Дмитріевскаго, но это утвержденіе или просто недоразумѣніе, или же результатъ невниматель-

наго и самаго поверхностнаго просмотра нашей книги ¹⁾, ибо нѣтъ въ ней положительно ни одной страницы, ни одного случая, гдѣ бы и когда бы къ дѣлу не привлекались изданія не только перечисленныхъ ученыхъ, но и другихъ работниковъ по литургикѣ. Когда въ наличныхъ греческихъ текстахъ не находимъ объясненія какого либо отмѣченнаго нами варианта, мы обращаемся къ памятникамъ южно-славянскимъ и русскимъ, ведущимъ свое начало отъ тѣхъ же греческихъ списковъ (см. напр. стр. 416, 417, 418, 419, 421, 422, 425, 427, 443, 456, 457, 463 и др.). Да и самъ то рецензентъ, утверждая, что „авторъ постоянно игнорируетъ сравнительное изученіе грузин. рукописей съ греческими“ (стр. 343), въ одномъ мѣстѣ противъ воли проговаривается, что „авторъ постоянно дѣлаетъ указаніе на Гоара“ (стр. 339). Какъ же въ такомъ случаѣ понять его увѣреніе, что мы не сличаемъ грузинскихъ рукописей съ греческими?! Или, быть можетъ, рецензентъ требуетъ отъ насъ параллельнаго сличенія грузинскаго текста съ греческимъ? По крайней мѣрѣ на такую мысль наводитъ жалоба его, что, не смотря на постоянныя ссылки автора на Гоара, каждый разъ самому приходится дѣлать сличенія для выясненія цѣнности груз. перевода“ (стр. 339). Если бы мы имѣли дѣло съ одной только молитвой, съ однимъ какимъ либо чиновнослужебнымъ или, наконецъ, съ одной какой либо богослужебной книгой, требованіе это было бы еще сколько нибудь понятно и пріемлемо, но когда дѣло имѣешь съ полнымъ кругомъ православно-христіанскаго богослуженія въ его настоящемъ и прошломъ, когда приходится оперировать надъ полнымъ

---

¹⁾ Въ подтвержденіе того, что рецензентъ дѣйствительно невнимательно просматривалъ нашу книгу, мы укажемъ два курьезныхъ случая. На стр. 338 онъ пишетъ: „такъ какъ груз. списокъ литургіи ап. Іакова древнѣе извѣстныхъ списковъ, кромѣ Мессинскаго, то авторъ приводитъ варианты изъ списка XVIII вѣка и сопоставляетъ ихъ со списками, изданными А. Петровскимъ“; выходитъ, какъ будто мы со списками Петровскаго сравниваемъ грузин. варианты XVIII в., тогда какъ на самомъ дѣлѣ мы сопоставляемъ списокъ X вѣка. На стр. 342 онъ пишетъ, будто особенность, касающаяся времени приготовления преждеосвященнаго Агнца и чаши, мы указываемъ въ Илитаріѣ Гелатскаго монастыря, тогда какъ эта особенность нами отмѣчается совершенно въ другихъ рукописяхъ (стр. 425 нашей кн.).

комплектъ ц. богослужебныхъ книгъ, тогда, естественно, вынуждаешься ограничиться уже принятымъ въ нашей наукѣ способомъ сличенія, тѣмъ болѣе, что мы никогда не ставили задачей себѣ текстуальную критику грузин. богослужебнаго матеріала, а выясненіе особенностей въ составѣ чиновъ и послѣдованій грузинскихъ памятниковъ сравнительно съ аналогичными чинами и послѣдованіями греческихъ списковъ; задача наша историко-археологическая, а не филологическая.

Говоря о методологическихъ недостаткахъ нашей работы, г. Аваліани упрекаетъ насъ, что мы не объясняемъ происхожденія отмѣченныхъ нами вариантовъ; приэтомъ трудно догадаться—въ какомъ смыслѣ понимается у него слово „объясненіе“,—въ смыслѣ ли указанія—*откуда* появились въ грузин. богослужебныхъ книгахъ отмѣченные нами варианты, или въ смыслѣ—*почему* они появились? Повидимому онъ имѣетъ въ виду и то и другое. Въ самомъ дѣлѣ, на стр. 341 онъ говоритъ: „подробное описаніе литургическихъ памятниковъ показало автору, что грузинскіе списки заключаютъ въ себѣ много особенностей, причемъ авторъ не прослѣдилъ, какъ нарастали эти особенности, явились ли онѣ въ результатъ историческаго развитія грузин. богослужебнаго строя, или они опредѣлялись особенностями тѣхъ оригиналовъ, которые легли въ основаніе грузин. богослужебнаго обихода. Для г. Кекелидзе *этотъ вопросъ не существовалъ совершенно* (курсивъ нашъ), и, дочитавъ книгу до конца, вы остаесть въ полнѣйшемъ невѣдѣніи происхожденія этихъ особенностей“. Новое недоразумѣніе и новое доказательство недостаточнаго знакомства рецензента съ нашей работой! Какъ же для насъ не существовало такого вопроса, когда вся вторая часть нашей работы (стр. 411—513) посвящена исключительно выясненію этого вопроса?! Допустимъ, рецензентъ не нашелъ нужнымъ ознакомиться съ этой частью рецензируемой имъ книги,—просмотрѣлъ бы онъ внимательно хоть Предисловіе и тамъ онъ прочиталъ бы слѣдующее: „во второй части Евхологіевъ и Типиковъ: откуда появились въ нихъ тѣ или иныя отмѣченныя нами особенности, составляютъ ли эти особенности специфическую принадлежность грузинскихъ богослужебныхъ книгъ, или же онѣ присущи и извѣстнымъ нынѣ въ наукѣ древне-греческимъ богослу-

жебнымъ спискамъ? (стр. VII, 411). Такимъ образомъ, вопросъ — *откуда* появились въ грузин. памятникахъ отмѣченныя нами особенности не только не обойденъ, но усиленно и разрѣшенъ. Рецензентъ могъ не согласиться съ нѣкоторыми изъ нашихъ объясненій, могъ считать ихъ неполными, но утверждать, что мы совсѣмъ обошли этотъ вопросъ, онъ не имѣлъ права и основаній.

Но, можетъ быть, мы не объяснили — *почему* появились въ описанныхъ у насъ чинопослѣдованіяхъ тѣ или инныя особенности? На это нужно сказать, что мы не брались писать *исторію* происхожденія и трансформациі чинопослѣдованій нашей церкви, когда, разумѣется, нельзя было обойти этотъ вопросъ, напротивъ, въ предисловіи у насъ ясно сказано, что мы занимаемся собираніемъ матеріала для исторіи богослуженія нашей церкви, „каковой матеріалъ (именно *материалъ*, а не цѣлое что-нибудь) мы и предлагаемъ на судъ компетентныхъ ¹⁾ нашихъ читателей“ (стр. VII). Мы и не могли специально заниматься вопросомъ — *почему* появились въ описанныхъ у насъ чинопослѣдованіяхъ православной церкви тѣ или инныя особенности, ибо это дѣло историка этихъ чинопослѣдованій, ставшихъ за послѣднее время каждое въ отдѣльности предметомъ особыхъ самостоятельныхъ магистерскихъ и докторскихъ диссертаций. Если г. Авалиани не знакомъ со всею вообще соответствующею литургическою литературой, мы ему укажемъ только на извѣстную ему, судя по его рецензії (стр. 343), докторскую диссертацию проф. Алмазова предметомъ которой является чинопослѣдованіе одной только Исповѣди („Тайная исповѣдь въ православной Восточной церкви“). Тѣмъ не менѣе, мы совершенно молчаніемъ не обходили и этой стороны дѣла и въ нужныхъ случаяхъ возбуждали и подчеркиваемый вопросъ, давая на него сильный отвѣтъ. Желających убѣдиться въ справедливости сказаннаго отсылаемъ ко второй части нашего труда и рекомендуемъ проштудировать ее нѣсколько внимательнѣе, чѣмъ это сдѣлано г. Авалиани, пока же, для образца, мы укажемъ предложенное нами объясненіе открытыхъ нами чиновъ Эласамона и Паяхиды по живомъ человѣкѣ (стр. 433, 468). Во избѣжаніе подозрѣній въ

¹⁾ Увы, судя въ насъ взяли и некомпетентные читатели!

голословности обвиненій (стр. 338) г. рецензентъ указываетъ нѣсколько случаевъ обхожденія нами этого вопроса. Такъ, прежде всего, онъ ставитъ намъ въ виду, что мы не изслѣдовали вопроса объ оригиналѣ груз. перевода литургіи ап. Іакова (стр. 339). Но въ описаніи рукописи, содержащей въ себѣ эту литургію, мы указываемъ (стр. 1—6) ближайшей „прототипъ“ или оригиналъ грузинскаго перевода—Мессинскій списокъ; вопросъ же объ этомъ оригиналѣ груз. перевода обслѣдованъ всесторонне въ специальной магистерской диссертации А. Петровскаго, посвященнаго, главнымъ образомъ, литургіи ап. Іакова („Апостольскія литургіи восточной церкви“),—зачѣмъ же, слѣдовательно, намъ нужно было заниматься обслѣдованіемъ этого „обслѣдованнаго“ уже въ наукѣ вопроса?! Во-вторыхъ, указавъ въ рукописи № 450 „образъ отрицанія сарацынскаго“, буквально сходный съ чиномъ „Принятія отъ сарацынъ обращающихся“, изданнымъ Яблоковымъ по рук. XVI в. Соловецкой бібліотеки № 1085, мы, будто бы, не изслѣдовали тотъ первоначальный источникъ, которымъ пользовались грузинскій и славянскій переводчики (стр. 339). Если бы г. Аваліани зналъ, что этотъ „первоначальный источникъ“ уже изслѣдованъ обстоятельно тѣмъ же Яблоковымъ, то пожалуй, воздержался бы отъ такого обвиненія; зачѣмъ мы стали бы повторять то, что въ наукѣ уже разрѣшено и специалистамъ давно уже извѣстно (съ неспециалистами же ученая работа не можетъ считаться). Далѣе, говоритъ почтенный рецензентъ, и грузин. рукопись и славянская, Соловецкой обители, одновременны—XVI в.; невольно спрашивается, эти рукописи также ли совпадаютъ въ остальномъ, или только въ указанныхъ чинахъ? (стр. 339—340). Оригинально! Вы, читатель, допустимъ, изучаете одну какую-либо статью по двумъ рукописямъ, и вдругъ вамъ предъявили обвиненіе—почему вы не указываете—въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся и остальные статьи этихъ рукописей?! Потому, что вы въ данномъ случаѣ заняты были одной только статьею, а другія статьи этихъ рукописей, не относящіяся къ предмету вашихъ занятій, не интересовали васъ. Не знаю, въ силу какой „методологіи“ могутъ возникнуть подобные „невольные вопросы“! Въ третьихъ, г. Аваліани ссылается на то, будто мы не объяснили факта отсутствія цѣльнаго чина Исповѣди въ груз.

памятникахъ вплоть до XVI в. Изученіе чина исповѣди восточной церкви и тѣхъ редакцій, какія имѣются въ рук. XV в. и раньше XI, можетъ быть и указало бы, что они объявляются тѣми списками, какія были въ употребленіи (стр. 342—343). Сплошное недоразумѣніе и новое подтвержденіе того, что рецензентъ невнимательно читалъ рецензируемую имъ книгу. Мы говоримъ, что цѣльнаго чина исповѣди до XVI в. въ грузин. Требникахъ не встрѣчается, а есть только отдѣльные молитвы, напр. въ Требникѣ XVI в. № 450 такихъ молитвъ имѣется три, изъ коихъ одна встрѣчается въ рук. XV в. Аеоно-Діонисіатской бібліотеки, двѣ же остальные приводятся и у Гоара (стр. 431); значить, мы указываемъ, что эта краткая редація была въ употребленіи и въ Греціи. Но въ послѣдней, на ряду съ этимъ, была и полная редація, каковой мы въ Грузіи до XVIII в. не находимъ, а причину этого явленія мы видимъ въ томъ, что такая полная редація исповѣди имѣется въ грузин. переводѣ Номоканона Іоанна Постника, очень распространеннаго въ Грузіи (стр. 432—433, гдѣ приводится и редація Іоанна Постника). Рецензентъ могъ не согласиться съ нашимъ объясненіемъ, но утверждать, что мы не пытаемся объяснить этотъ фактъ, это болѣе чѣмъ несправедливо и, пожалуй, не „методологично“.

Наконецъ, говоритъ рецензентъ, авторъ долженъ былъ выяснитъ еще одинъ кардинальный вопросъ о причинахъ нарастанія вариантовъ и вообще варьированья въ грузин. литургическихъ рукописяхъ (ст. 336—337). Въ самомъ ли дѣлѣ мы этого не объясняемъ? Г. Авалиани какъ будто читалъ (см. стр. 344 его рецензіи) слѣдующія строки нашей книги (стр. 515): „чины и послѣдованія эти (содержащіяся въ груз. рукоп.) отличаются поразительнымъ разнообразіемъ греческихъ списковъ, съ которыхъ переводились грузинскіе богослужебные чины“. Такъ на чемъ же основано предъявленное намъ обвиненіе?!

И такъ, главная методологическая наша ошибка, по словамъ г. Авалиани, состоитъ въ томъ, что мы „сознательно устранили изъ сферы изслѣдованія“ грузинскія рукописи восточныхъ книгохранилищъ, а что касается памятниковъ отечественныхъ книгохранилищъ, то они, будто бы, не сличены нами съ греческими оригиналами и не объяснены

имѣющіеся въ нихъ варианты. Это еще не все. Нами, оказывается, не изучены всѣ нужныя рукописи даже отечественныхъ книгохранилищъ. „Описаніе литургическихъ памятниковъ г. Кекелидзе, говоритъ онъ, не можетъ похвалиться безусловной полнотой; авторъ не даетъ указаній, чѣмъ онъ руководился при выборѣ рукописей“ (стр. 340). Если бы г. рецензентъ просмотрѣлъ, какъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ. Предисловіе нашей работы, то тамъ онъ нашель бы слѣдующія строки: „не всѣ рукописи литургическаго содержанія одинаково занимали насъ. Въ ряду богослужебныхъ книгъ православной церкви, а слѣдовательно и источниковъ литургики, первенствующее и главное мѣсто занимаютъ двѣ книги, обнимающія, можно сказать, весь ритуаль,—это Евхологій или, по нашему, Служебникъ и Требникъ, и Типиконъ или Церковный Уставъ. Поэтому на нихъ главнымъ образомъ и обращаютъ свое вниманіе ученые исследователи ц. богослужебныхъ книгъ. Неудивительно поэтому, что и наше изслѣдованіе направлено главнымъ образомъ въ сторону этихъ двухъ книгъ“ (стр. VI). Неужели здѣсь нѣтъ указаній, чѣмъ мы руководились? Мы занимались Евхологіями и Типиками, являющимися „главными источниками литургики“; привлекались къ дѣлу вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя и другія рукописи (стр. 350—408), но съ разборомъ,—насколько онѣ могли служить съ уясненіемъ основной нашей задачи. Заниматься же всѣми вообще литургическими рукописями, какія только имѣются въ отечественныхъ книгохранилищахъ, мы не могли, потому что мы занимались не каталогизаціей рукописей, а важными въ научномъ отношеніи памятниками.

Изучая рукописи, находящіяся въ отечественныхъ книгохранилищахъ, авторъ, говоритъ рецензентъ, не стремится къ возможной полнотѣ обслѣдуемаго матеріала, обходя матеріалы, извѣстные въ печати (стр. 344, 340). Читатель, не знакомый съ грузинскимъ языкомъ, пожалуй подумаетъ, что на этомъ языкѣ процвѣтаетъ литургическая литература, имѣются изданія литургическихъ памятниковъ и матеріаловъ. Но смѣемъ увѣрить г. Авалиана, а съ нимъ вмѣстѣ и тѣхъ, которые уже успѣли повѣрить ему, что на грузинскомъ языкѣ въ общемъ ничего подобнаго, къ сожалѣнію, не имѣется; если есть что нибудь, такъ скорѣе на русскомъ

языкъ,—это краткая каталогизація грузинскихъ рукоисей восточныхъ и отечественныхъ книгохранилищъ, но насколько подобная краткая каталогизація можетъ способствовать „правильности конечныхъ выводовъ“ (стр. 340) нашихъ, въ этомъ легко убѣдиться изъ слѣдующихъ курьезовъ. Въ отчетъ Импер. Публич. Библіотеки за 1883 г. описанный у насъ Илитарій XV вѣка № 335 (изъ собр. царев. Іоанна), заключающій въ себѣ только чины литургій свв. Василия В. и Іоанна Златоуста, названъ Требникомъ XII—XIII в. съ указаніемъ въ немъ интереснаго чина вѣнчанія (sic.). Въ описаніи грузин. рукоисей Азіатскаго Музея Импер. Академіи Наукъ рукоисъ № 123, представляющая собою служебную Минею за Іюль и Августъ мѣсяцы, названы *Литургією*. И это въ столичныхъ каталогахъ, а что сказать относительно провинціальныхъ описаній, изобилующихъ смѣшеніемъ однихъ чиновъ съ другими, однихъ книгъ съ другими?! Тѣмъ не менѣе, все, чѣмъ можно было воспользоваться въ печатной литературѣ, привлечено нами къ дѣлу, что видно изъ подстрочной цитаціи у насъ. Рецензентъ, говоря, что нами не привлечены къ дѣлу *списки*, извѣстные въ литературѣ, ссылается для примѣра на книгу Θ. Жорданія — хроники, т. II (стр. рецен. 340). Просимъ знатоковъ грузинскаго языка просмотрѣть названную книгу и лично убѣдиться, что никакихъ литургическихъ *списковъ* въ ней нѣтъ, развѣ только на стр. 103 упоминается рукоисъ цер. музея № 82, бывшая и у насъ въ рукахъ (смотри стр. нашей книги XXVII, пр. 7).

Наконецъ, къ числу крупныхъ недостатковъ работы, говоритъ г. Аваліани, должна быть отнесена система описанія... Въ научныхъ интересахъ необходимо было бы, въ концѣ описанія хронологическаго Евхологіевъ и Типиковъ, свести ихъ къ однороднымъ редакціямъ (стр. 340—341). Мы не гнались за оригинальностью въ данномъ отношеніи, но держимся исторической системы, принятой въ нашей наукѣ и пріобрѣтшей въ ней право гражданства. Что же касается сведенія описанныхъ у насъ памятниковъ къ однороднымъ редакціямъ, то нужно имѣть въ виду, что богослужебные чины, какъ выраженіе кипучей, не останавливавшейся въ своемъ развитіи жизни церковной, отличаются подвижностью, а отсюда поразительнымъ разнообразіемъ, слѣдовательно не всегда удается точно ихъ классифицировать; бываетъ такъ,

что—что списокъ, то особая редакція. Тѣмъ не менѣе къ подобной классификаціи мы стремимся во II части нашей работы, гдѣ въ отдѣльности анализируется каждое чиновопослѣдованіе, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣшно достигаемъ цѣли (смотри напр. стр. 446, 465, 466, 467 и др.).

Въ заключеніе обзора довольно расплывчатой библиографической замѣтки г. Аваліани мы должны сказать, что недостатки имѣются въ каждой книгѣ, въ бѣльшей мѣрѣ они присущи нашей работѣ, и мы всегда рады справедливой и основательной критикѣ, чего мы въ настоящемъ случаѣ, къ сожалѣнію, не видимъ. Рецензентскіе промахи г. Аваліани являются результатомъ неосвѣдомленности его въ литургическую наукѣ и недостаточнаго знакомства съ рецензируемой имъ книгой; поэтому мы съ признательностью возвращаемъ ему назадъ и ту похвалу, которую онъ воздаетъ намъ въ концѣ своей библиографической замѣтки.

Прот. Корн. Кекелидзе.
